

О Т З Ы В

**официального оппонента о диссертации Самарина Андрея Сергеевича
на тему «Понимание кризиса субъекта в контексте модальной
методологии», представленной на соискание ученой степени кандидата
философских наук по специальности 5.7.1 – Онтология и теория
познания (философские науки)**

Тема диссертации Самарина Андрея Сергеевича «Понимание кризиса субъекта в контексте модальной методологии» чрезвычайно актуальна. Действительно, переход к массовым социальным движениям в XX веке приводит к тому, что единый, гомогенный, монолитный субъект классической философии (субъект самосознания) «расщепляется». Былое тождество гносеологического, этического, правового и т.д. субъекта раскалывается, ибо само социальное бытие человека в современных условиях теряет гомогенность. В различных социальных отношениях он выступает в разных функциях и выступает как «различные» субъекты; нет такой точки или позиции, из которой бы различные действия индивида наблюдались бы как непрерывные действия одного субъекта. Это делает процесс самоидентификации человека затруднительным. Все это делает диссертационное исследование А.С. Самарина научно значимым.

Поскольку в современной философии присутствует плюрализм взглядов на концепт «субъекта», то его целостное понимание требует специального *мета-подхода*. Такой мета-подход должен не синтезировать разные представления о субъекте (это невозможно в силу их различных онтологических оснований), но быть своеобразной моделью, исходя из которой различные «философии субъекта» выступили бы ее различными проекциями. Эти бы проекции сочетались по «принципу дополнительности», а правила их анализа предусматривали операции перехода к иным представлениям о субъекте как «виртуальным». Именно в этом заключается, как нам представляется, основная идея диссертации.

На наш взгляд данное диссертационное исследование А.С. Самарина имеет следующие положительные стороны.

Во-первых, это констатация необходимости разрешения проблемы субъекта не с предметной, а с методологической позиции. Автор правильно констатирует кризисную ситуацию в понимании субъекта, связанную с множественностью его теорий, основанных на различных – онтогносеологических, исторических и культурологических – основаниях. Множество трактовок субъекта в различных течениях современной философии, которые не имеют ничего общего между собой, констатируют неопределенность самого онтологического статуса субъекта. Однако эта констатация проблемы «множественности» субъекта в современной

философии не нова. Новым моментом является то, что автор диссертации ищет решение проблемы не в предметной плоскости, а в плоскости методологии. Действительно, поскольку различные теории субъекта, во-первых, оперируют различным эмпирическим материалом, во-вторых, опираются на совершенно разные теоретические представления о субъекте (психоаналитический субъект и субъект социального действия), в-третьих, опираются на разные онтологические основания, постольку общего предметного представления о субъекте просто быть не может. Обращение в таком случае к мета-уровню анализа – к модальной методологии – со стороны автора не просто оправдано в такой ситуации, но является единственным возможным.

Во-вторых, нам представляется положительным достижением привлечение к анализу проблемы субъекта модальной методологии Д.Зильбермана. Во-первых, это введение в корпус отечественных философских исследований пока еще нового и мало освоенного теоретического материала вообще. Исследований по философии этого мыслителя в отечественной философии пока мало, не говоря уже о применении его методологии к решению других проблем. Во-вторых, нам представляется продуктивным применение этого аппарата для проблемы субъекта в силу природы самой проблемы субъекта, о чем уже было сказано выше: проблема «кризиса понимания» субъекта носит не предметный, а методологический характер. Наконец, в-третьих, как уже было сказано, нам думается, что модальная методология является действительно эвристическим подходом к построению своеобразной «синтетической» теории субъекта.

Автор диссертационного исследования продуктивно использует следующие моменты модальной методологии.

А). Возможность конфигурации разных модальностей субъекта (§1.1., С.31-32 диссертации): по автору – «активностей» познания, действия и рефлексии. Поскольку полное определение философии включает в себя не только мировоззрение, но и миропостроение, то переход от первого ко второму, от познания (понимания) к действию означает смену позиции наблюдателя, который сам находится в рефлексивной позиции. Поэтому истинность той или иной философии субъекта зависит от позиции наблюдателя, соответственно: в какой модальности – познания или действия – совершается философское осмысление субъекта¹. Иначе говоря, разные модальности задают разные возможные миры понимания объекта исследования – в нашем случае: разные проекции субъекта.

Б). Конфигурирование модальностей (§1.1., С.32-33 диссертации). В методологии Д. Зильбермана все действительные и возможные соотношения между идеей, нормой и ценностью задают полноту философии и пространство философии как таковой (всех ее течений). Все возможные комбинации между ними задают все пространство (множество) философских

---

¹ Вообще-то позиция наблюдателя – как рефлексивная позиция – сюда тоже входит, и тоже определяет определенное понимание субъекта.

течений (школ) в культуре. А в диссертации А.С.Самарина такое отношение существует между субъектными модальностями – действием, познанием и рефлексией. Все возможные комбинации между этими модальностями задают все возможные представления о субъекте. Это автор демонстрирует в §1.2. диссертации на примере концепций субъекта в философии Нового времени, немецкой классической философии, в переходных теориях (психоанализ и экзистенциализм) и наконец в современных теориях второй половины XX века (структурализм, постструктурализм и постмарксизм и теориях иже с ним).

В). Согласно методологии Д.Зильбермана автономность любой философии заключается в том, что все три модальности – возможного, действительного и необходимого – существования объекта исследования (в нашем случае: субъекта) независимы, а переходы между этими «ортогональными» проекциями его представлений (возможными мирами) задают шесть комбинаций отношений идеи, нормы и ценности, или познания, действия и рефлексии. Однако его методология не является «теоретической комбинаторикой»: она предполагает учет динамики философской мысли. А именно, исследование идет от гипотетической модальности (возможного представления объекта исследования) – через экзистенциальную модальность (онтологическое обращение = самоопределение самого исследователя) – к нормативной методологии. Поэтому «держание» в фокусе исследования всех трех модальностей – идеи, нормы и ценности – и есть констатация сопоставления собственной позиции исследователя и самого процесса рассуждения (перехода от Идеи к Норме); у Д.Зильбермана этот прием называется *ди-видуальное конструирование*.

Для автора диссертационного исследования это выражается, прежде всего, в том, что, констатируя особенности представления субъекта в той или иной философии (и выражая это в соответствующей формуле), автор всегда видит то, что находится в «знаменателе», т.е. какие модальности субъекта «отсутствуют»² (§1.1., С.34 диссертации). Эти модальности являются «виртуальными» дополнениями представлений субъекта в конкретной философии. Это означает два важных момента. Во-первых, отношения между разными философиями строятся по принципу взаимно-притяжательной оппозиции: эти философии отрицают друг друга, но при этом в своих антиподах они имеют виртуальные возможности, дополняющие их представления до целостности. Так что только из всей конфигурации этих философий складывается целостный образ субъекта в культуре. Так, автор диссертации солидаризируется с положением модальной методологии, что значение любой философии определяется тем, как итоговый продукт ее деятельности – комплекс норм в дальнейшем транслируется за пределы философии и становится нормой большой культуры. Поэтому для полного

² Этот прием опять же генетически восходит к приему «сплавщика» или приему обращения у Г.П. Щедровицкого. - См.: Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн.1. – М.: Вост. лит., 2005. С.67.

представления субъекта в историческую эпоху важен не «текст» той или иной философии (идея или норма), а переход между ними³.

Нам представляется, что автор диссертационного исследования в целом верно трактует эти «формулы» модальной методологии; важно лишь *как*, насколько *эффективно* и *корректно* он это применяет для решения проблемы субъекта.

В-третьих, позитивным, на наш взгляд, является исследование проблемы субъекта в постмарксизме (2 глава). Поскольку, по мнению автора, в философии постмарксизма – в отличие от других философий – «наличствуют» все три модальности субъекта (познание, действие и рефлексия) в той или иной степени, поскольку она является более конкурентной в сравнении с другими концепциями в целостном понимании современного субъекта. Так, как показывает автор, в сравнении с постструктурализмом, в котором деятельность субъекта сведена к языковой, а не предметно-практической, деятельности, это безусловно так (§2.1.). Но в сравнении с другими версиями субъекта обнаруживаются деятельностные (М.Фуко и В.Декомб), рефлексивные (Ж.Лакан) «дополнения» к субъекту в понимании постмарксизма (§2.2.). Хотя автор делает анализ этого представления на очень узкой эмпирической базе (монография Э.Лакло и Ш.Муфф), но в сравнении с «виртуальными» проекциями субъекта в философии (К.Касториадиса, Ж.Лакана) и в сравнении с дополнительными проекциями субъекта в концепциях М.Фуко и В.Декомба – а такое сравнение вообще возможно только в пространстве модальной онтологии, определение особенностей субъекта в постмарксизме является интересным. Так автором показано, что ориентация на практическое действие в субъекте постмарксизма «снижено», а ведущей модальностью является познание; в то же время обращение на себя, т.е. рефлексия, оказывается потенциальным. Именно это и обнаруживается в сравнении с названными «виртуальными» проекциями субъекта постмарксизма. Так, познание может быть понято как некая операционная – индивидуальная, а не коллективная (в случае М.Фуко), и чисто лингвистическая и герменевтическая (в случае В.Декомба) – познавательная *деятельность*. А рефлексия, в свою очередь, как «внутренняя» – (индивидуальная, в случае Ж.Лакана) – психическая и психологическая *деятельность*. Тем самым автор доказывает свой тезис о том, что разные концепции субъекта становятся дополнительными и инверсивными друг для друга. А из всей конфигурации этих философий складывается целостный образ субъекта в современной культуре.

---

³ Тут, кстати, открывается кое-что важное, но не замеченное автором: сама деятельность становится действительным субъектом миропонимания и миростроительства и самого текста, и мышления, и деятельности и субъекта в традиционном «картизианском» смысле слова. Поэтому у Д. Зильбермана таким субъектом–субстанцией становится культура, а у Г.П. Щедровицкого – сама деятельность. В этом смысле его понимание ближе к Аристотелю, а не Декарту. – См.: Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица / Пер. с фр. М. Голованивской. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.14.

Таковы, по нашему мнению, научные достоинства диссертационного исследования А.С. Самарина. Вместе с тем, данная научная работа имеет следующие существенные недостатки.

1). Автор не анализирует и не показывает *причины кризиса* в понимании субъекта. Такое впечатление, что все дело в эпистемологическом кризисе внутри философии. Но – это, кстати, соответствует установкам марксизма – философия только выражает то, что происходит в бытии человека. В авторском тексте отсутствует анализ самого онтологического основания кризиса субъекта: что происходит в социальном бытии? Какие процессы порождают «расколотость» субъекта? Что лежит в основе экзистенциалистской, постструктуральной или постмарксистской трактовки субъекта? Очевидно, что происходили какие-то изменения в самом существовании человека XX века, которые приводили к «смене парадигм» и трактовок субъекта, и причины постструктурального понимания совсем не те, которые ведут к возникновению понимания постмарксизма. Автор все это оставляет в §1.1. «за кадром» исследования; он анализирует философские концепции, а не реальность за ними. Однако без этого онтологическая неопределенность статуса субъекта, эпистемологическая множественность его трактовок и методологическая «несовместимость» учений о субъекте в философии становится безосновной. Все сводится вроде бы ко всем очевидной истине: парадоксу множественности культур. Но сам этот феномен вовсе не очевиден! Отсюда неясным становится и само авторское определение субъекта, и выделение в нем его «активностей» (С.26 Диссертации). Нам представляется, что автор должен был подвергнуть анализу само социальное бытие человека в XX веке, и отсюда выводить основные философские концепции субъективности, а затем констатировать, что они охватывают не просто S-O отношение, а то, что это отношение разворачивается в трех сферах: познания, действия и рефлексии.

2). По нашему мнению, в диссертации, несмотря на заявленную 2-ю задачу исследования (§1.2.), четко не определены *типические черты классического субъекта и типические черты неклассического (кризисного) субъекта*. Поэтому непонятно, какую роль – кроме использования формул – сыграло в этом исследовании применение модальной методологии? Хотелось бы от автора получить четкий ответ о типических чертах классического субъекта и типических чертах неклассического субъекта, причем выделенных с помощью приемов модальной онтологии? В чем в этом анализе субъекта заключается приращение научного знания в понимании субъекта, которое было бы невозможно без применения «контекста модальной онтологии»? Потому что в противном случае создается впечатление, что модальная методология не дает никакого нового знания в понимании субъекта (т.е. нет научной новизны в понимании субъекта (п.2)).

3). При анализе концепции постмарксизма непонятно, *в чем все-таки суть и содержание постмарксизма и его понимания субъекта?* Это нигде четко не определено. Удивительно, что автор при анализе постмарксизма

вообще не рассматривает, как понимался субъект в классическом марксизме. Далее, почему постмарксизм – это «кризисная философия»? По мнению автора, «постмарксизм занимает неортодоксальное место» (С.13) среди современных концепций субъекта. Но в чем это достоинство постмарксизма в сравнении с другими философиями, кроме, быть может, структурализма (§2.1.), опять же не ясно. Хотелось бы получить от автора диссертационного исследования четкие и однозначные ответы на эти вопросы.

4). Наконец, самое, по нашему мнению, главное. Мы приветствовали применение модальной методологии именно к разрешению проблемы субъекта (в своих исследованиях мы ее называем «метафорико-топологической» методологией). Согласно модальной методологии, которой руководствовался в своем исследовании диссертант, при задавании определенного возможного понимания объекта исследования – в нашем случае субъекта – сам исследователь должен определиться относительно него как действительного объекта, а затем в своих практических действиях уже исходить из его понимания как объекта необходимого. Эта смена модальностей⁴ лежит в основе самого приема де-видуального конструирования объекта. Но это же должно быть обращено на самого автора научного исследования. В связи с этим возникает два вопроса.

Первый – и самый главный – вопрос для этой диссертации: где собственно *авторская модель* субъекта? Она имплицитна, но ее нет как четкого результата исследования. Второй – не менее важный вопрос: а где в диссертационном исследовании сам *автор*? Модальная методология предполагает, кроме ее объяснительного потенциала (соответствующего модальности познания) рефлексивный потенциал (соответствующий модальности рефлексии) и потенциал самоопределения (соответствующий модальности практического действия). Вопрос: где *авторская позиция*? Автор вроде бы пишет о целостной рефлексивной позиции. Но нигде – ни свою модель субъекта, ни свою собственную позицию – не *объявляет*. Поэтому не происходит его самоидентификации. Позиция само диссертанта стерта, как стерта граница между познанием, практическим действием и познанием в определении современного субъекта. Поскольку жанр диссертации предполагает исследование, то автор должен следовать формуле **П □ Р/Д**. Однако, поскольку автор именно рефлектирует над проблемой кризиса понимания субъекта, то в действительности формула его позиции следующая: **Р □ П/Д**, ибо он не столько познает, что есть субъект, сколько анализирует, как он понимается. Поэтому здесь и встает вопрос: что осталось в знаменателе самого А.С. Самарина как субъекта? Где его *экзистенциальная модальность*?

---

⁴ Эта существенная идея Д. Зильбермана генетически восходит к идее смены модальностей в системномыследеятельностной методологии Г.П. Щедровицкого, а у последнего она генетически восходит к идеи обращения сознания в немецкой классической философии.

Необходимо ответить на эти вопросы. Если бы автор построил собственную модель субъекта по модальной методологии, то на ней можно было бы анализировать не только различные теории субъекта – классические и неклассические, сравнивать их между собой, выделяя их специфические черты (что пытался сделать диссертант). Но можно было бы понять в соответствии с ди-видуальным конструированием и саму позицию диссертанта: является ли сам автор в своем исследовании действительным субъектом? А этого нет в диссертации. А потому непонятен и общий итог исследования: *что в конце концов дает для понимания субъекта применение модальной онтологии?*

Кроме этого, данное диссертационное исследование имеет более мелкие недостатки: нечеткость и неясность многих формулировок, отсутствие ключевых определений, множество «обтекаемых» и непонятных предложений. Почему-то из этого списка анализируемых философий субъекта выпадают аналитическая философия и феноменология. Но если относительно аналитической философии это еще можно допустить, то как можно игнорировать феноменологию как ведущую философскую теорию субъекта и субъективности – не понятно. Также само словосочетание «кризисные модели субъекта» нам кажется неверным. Сами модели, т.е. представления, не могут быть кризисными или не кризисными. Они могут констатировать кризис самого субъекта, его бытия и его понимания, но как модели они могут быть ложными или истинными, эффективными или неэффективными в познавательном отношении, но не более. Это модели кризиса самого субъекта, но не «кризисные» модели.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки и учитывая сложность проблемы, за которую взялся автор, следует признать, что работа Самарина А.С. заслуживает при соответствующей защите положительной оценки. Во-первых, потому, что это – при всех указанных недостатках – это новаторское исследование в части применения модальной методологии. Во-вторых, потому, что это исследование задает новый содержательный ракурс – мета-подход – к проблеме субъекта в современной отечественной философии.

Основное содержание и результаты исследования отражены в публикациях, из которых 5 статей представлены в научных изданиях входящих в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендемых ВАК. Автореферат диссертации полностью отражает содержание работы и включает выводы, сделанные в исследовании. познания.

Считаю, что диссертация А.С. Самарина соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, указанным в пп. 9-11, 13-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24. 09. 2013 года № 842 (в редакции от 16.10.2024 г. № 1382). Автор диссертационного исследования «Понимание кризиса субъекта в

контексте модальной методологии» Самарин Андрей Сергеевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки).

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
декан философско-социологического факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
Сергей Владимирович Комаров

Фотография подписи С. В. Комарова с надписью
«Подпись С. В. Комарова свидетельствует о том, что
заявка на присуждение ученой степени кандидата
философии подана в Ученый совет
ФГБОУ ВО «ПГНИУ»
в соответствии с Уставом Ученого совета»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Адрес: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: info@psu.ru
Философско-социологический факультет, адрес: ул. Генкеля, 7, корп. 2, ауд. 513.
E-mail: philos.perm@gmail.com

27 января 2025 г.